

ВЛАДИМИР
СЕМЕНОВ

ОБОРОНА
ПОРТ-АРТУРА

RUGRAM

Москва
2026

УДК 355/359
ББК 68.4
С30

Семенов В. И.

С30 Оборона Порт-Артура / В. И. Семенов. — М. : RUGRAM,
2026 — 268 с. — (Военная летопись России).

ISBN 978-5-517-13456-1

«Кое-кто собрался проводить. Желали счастливого плавания. Слово «война» никем не произносилось, но оно чувствовалось в общем тоне последних приветствий, создавало какое-то особенное приподнятое настроение... Какие это были веселые, бодрые проводы, и как не похоже на них было мое возвращение...».

«На путях станции стояло два огромных, видимо, наспех составленных поезда... Они были битком набиты: сидели, лежали не только на диванах, на скамейках, но и между ними, даже в проходах... Тут же были нагромождены какие-то узлы и просто кучи вещей, в которых перепутывались и предметы роскоши, и предметы самой грубой, насущной необходимости... Видимо, хватали, что попало под руку... То тут, то там раздавались истеричные рыдания, отчаянный призыв врача к больному ребенку, мольба о помощи...».

«Я так и вскинулся: — Какой «Боярин»? Что с ним? Я сам еду на «Боярин» старшим офицером! Говорите толком! — Говорите, черт вас возьми! — захрипел полковник. — Ведь мы тут, как в одиночном заключении! — Господа! Ради Бога! Я не могу, не приказано... — И начальник поезда убежал».

ISBN 978-5-517-13456-1

© RUGRAM, оформление, 2026
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

I	5
II	26
III	46
IV	77
V	102
VI	129
VII	153
VIII	175
IX	196
X	216
XI	246

*Отъезд из Петербурга. — В сибирском экспрессе. —
Первые вести о войне. — Прибытие в Порт-Артур*

— Ну вот. Добились своего. Теперь уж нечего разговаривать. Дай Бог, в добрый час!.. — говорил адмирал, прощаясь со мною, и уже в дверях скороговоркой добавил: — Послушайте совета: не суйтесь зря. Судьба везде найдет. Если само начальство вызывает охотников — значит, надо, а без этого — свое дело хорошенько делайте, и довольно. Выскакивать нечего. Погибнуть нетрудно и не страшно, но погибать зря — глупо!

Проведя почти всю службу (за исключением двух лет в академии) в плаваниях на Дальнем Востоке, я осенью 1901 г. получил предложение занять место адъютанта штаба кронштадтского порта, соединенное с должностью адъютанта главного командира по его званию военного губернатора. Несмотря на нелюбовь к береговым штабам и канцеляриям, нелюбовь, возвращенную долгой службой исключительно в строю, т. е. на воде, я согласился, и даже охотно, так как в то время главным командиром в Кронштадте был вице-адмирал С. О. Макаров.

Не берусь давать здесь характеристики покойного адмирала, так трагически погибшего в тот именно момент, когда наконец после долгих лет борьбы с людьми, упорно тормозившими все его начинания, злорадно «совавшими палки в колеса», он получил возможность без помехи, неся ответственность только перед

Государем Императором, отдать на пользу Родине свои способности, ум и неутомимую энергию. Его дела — достояние истории.

Я не обманулся в моих ожиданиях. Служить с адмиралом было нелегко; приходилось частенько недоедать и недосыпать, но в общем жилось хорошо. Отличительной чертой его характера (которой я восхищался) являлась вражда ко всякой рутине и, положительно, ненависть к излюбленному канцелярскому приему — «гнать зайца дальше», т. е. во избежание ответственности за решение вопроса сделать на бумаге (хотя бы на срочной) соответствующую надпись и послать куда-нибудь в другое место «на заключение» или «для справки».

Единственные случаи, когда на моих глазах адмирал терял самообладание и лично или по телефону отдавал портовым чинам приказания в резкой форме, делал выговоры, грозил ответственностью за бездействие и проч., это бывало именно тогда, когда обнаруживалось с чьей-нибудь стороны стремление «гнать зайца дальше» или утопить какое-нибудь требование в массе справок.

Нечего и говорить, что я, как «прирожденный строевой», глубоко сочувствовал такому настроению моего начальства и готов был служить ему по мере сил. Словом, как я уже говорил, жилось хорошо.

Но вот осенью 1903 года в воздухе запахло войной, и, несмотря на весь интерес тогдашней моей службы, я заволновался и стал проситься туда, где родная мне эскадра готовилась к бою.

Адмирал с первого раза принял меня в штыки, но я тоже ошестинился и настаивал на своем. Адмирал пробовал убеждать, говорил, что если война разразится, то это будет упорная и тяжелая война, и за время ее «все мы там будем», а потому торопиться нечего: здесь тоже дела будут по горло, и в такой момент адъютант уходить не имеет права. Я не сдавался и возражал, что если во время войны окажусь на береговом месте, то любой офицер

с успехом заменит меня, так как я вместо дела буду только метаться по начальству и проситься на эскадру.

За такими спорами раза два-три чуть не дошло до серьезной размолвки. Наконец адмирал сдался, и 1 января 1904 г. последовал приказ о моем назначении старшим офицером на крейсер «Боярин». Еще две недели ушло на окончание срочных дел, сдачу должности, и прощание, с которого я начал эту главу, происходило уже 14 января.

В Петербурге, являясь перед отъездом по начальству, я был, конечно, у адмирала Р. и после обмена официальными фразами не удержался спросить: что он думает? будет ли война?

— Не всегда военные действия начинаются с пушечных выстрелов! — резко ответил адмирал, глядя куда-то в сторону. — По-моему, война уже началась. Только слепые этого не видят!..

Я не считал возможным спрашивать объяснения этой фразы — меня поразил сумрачный, чтобы не сказать сердитый, вид адмирала, когда он ее выговорил. Видимо, мой вопрос затронул болезненное место, и в раздражении он сказал больше, чем хотел или чем считал себя вправе сказать...

— Ну, а все-таки, к первым выстрелам поспею?

Но адмирал уже овладел собой и, не отвечая на вопрос, дружелюбно желал счастливого пути.

Пришлось откланяться.

На тот же вопрос добрые знакомые из Министерства иностранных дел отвечали: «Не беспокойтесь — поспеете: до апреля затянем»...

Я выехал из Петербурга с курьерским поездом вечером 16 января.

Кое-кто собрался проводить. Желали счастливого плавания. Слово «война» никем не произносилось, но оно чувствовалось в общем тоне последних приветствий, создавало какое-то особен-

ное приподнятое настроение... Какие это были веселые, бодрые проводы, и как не похоже на них было мое возвращение...

Но не будем забегать вперед.

До Урала и даже дальше экспресс был битком набит пассажирами, и общее настроение держалось самое заурядное; вернее, никакого особенного настроения в публике не обнаруживалось; но по мере движения на восток, по мере того как местные обыватели, занятые исключительно своими делами, высаживались в промежуточных городах, определялась понемногу кучка людей, ехавших «туда». Их можно было подразделить на две категории: офицеры и вообще служащие самых разнообразных чинов, родов оружия и специальностей и (как говорят матросы) «вольные люди», самых неопределенных специальностей и народностей. Эти последние являлись наиболее характерными вестниками войны, как вороны, следующие за экспедиционным отрядом, как акулы, сопровождающие корабль, на котором скоро будет покойник.

И та, и другая категории вскоре же сплотились, и между лицами, их составлявшими, завязались знакомства. К сожалению, «наших» было немного, так как большая часть из них ехала в Западную Сибирь. Последними нас покинули в Иркутске генерал и капитан Генерального штаба, отправлявшиеся куда-то на монгольскую границу, а после Иркутска единственным моим компаньоном оказался полковник Л., ехавший в Порт-Артур командовать вновь формируемым стрелковым полком.

Отчетливо, как сейчас, помню переезд через Байкал по льду. Не воспользовавшись правом пассажира экспресса занять место в неуклюжих железнодорожных пошевнях, взяв лихую тройку (идя на войну, чего ж считать деньги!), я около полудня отвалил со станции Байкал на станцию Танхой — 43 версты по льду озера-моря. Был чудный, солнечный день с морозом 10–12 R R при полном штиле. Тройка с места взяла марш-маршем и только

верст через пять-шесть перешла на крупную рысь. Ямщик обернулся ко мне:

— Слышь, барин! В полпути постоялый. Поднесешь стаканчик — уважу!

— Будь благонадежен: не обижу!

Ямщик слегка привстал, свистнул, и коренник зарубил такую дробь, пристяжные свились в такие кольца, что только морозная пыль клубом встала за нами!.. Вот где, на Байкале, еще сохранилась русская тройка, воспетая Гоголем!..

В чистом морозном воздухе горы противоположного берега выступали так отчетливо, что привычный «морской» глаз совершенно терял свою, долгой практикой приобретенную, способность оценивать расстояния. Казалось, они совсем близко; казалось, видишь самые мелкие складки гребня и в них налеты снега, — а на деле это были глубокие ущелья, под снегами которых можно было бы похоронить целые города...

Со станции Байкал несколько раньше меня на такой же «вольной» тройке отвалил, не скажу молодой, но моложавый генерал. Должно быть, у него не было особого уговора с ямщиком, потому что версте на пятнадцатой мы его обогнали, как раз в то время, когда он, забрав по целому снегу, объезжал какую-то воинскую команду, переходившую Байкал пешком. В наушниках, с ружьями, у кого на правое, у кого на левое плечо, солдаты, а с ними и офицеры, шагали по плотному, подмерзшему насту так бодро, так весело... Мне вдруг вспомнилось тургеневское «Довольно», журавли, летящие в небе и ведущие гордую переключку со своим вожакom: «Долетим? — Мы — долетим!»

И в этой, казалось бы, нестройной толпе, не соблюдавшей равенства ни «в рядах», ни «в затылок», в их широком, свободном шаге, в окриках и взрывах смеха, внезапно вспыхивавших и прокатывавшихся по колонне, мне почуялась та же гордая сила, та же уверенность в себе, что и в тургеневских журавлях.

— Долетим?

— Мы — долетим!..

Не я один это чувствовал. Генерал, ехавший впереди, вдруг скинул шубу, в которую был закутан, распахнул свое пальто на красной подкладке и, став в санях, как-то особенно задорно и радостно крикнул:

— Здорово, молодцы! Бог в помощь!

— Рады стараться! Здравия желаем! Покорнейше благодарим! — загудело по колонне.

Генерал махал фуражкой, кричал еще что-то, чего нельзя было разобрать, и мимо нас мелькали молодые... раздумывавшиеся на морозе, радостно улыбавшиеся лица. Солдаты и офицеры тоже что-то кричали, махали фуражками, поднимали кверху ружья...

— Долетим?

— Мы — долетим!

С какой силой, полное надежды и веры в будущее, билось сердце! Как бодро, как весело было на душе!..

Да, прав был адмирал Р., думалось мне, это уже война!

На той стороне Байкала, в Танхое, нас ожидал экспресс Восточно-Китайской дороги.

В вагоне первого класса оказалось только два-три инженера, ехавших по линии, полковник А. и я. Завязалось знакомство. Говорили, разумеется, исключительно о положении дел в Маньчжурии и Корее. Мнения резко разделялись. Одни утверждали, что война неизбежна, что «не зря же японцы 10 лет создавали свою военную силу», выворачивая карманы населения, должны же они воспользоваться благоприятным моментом! Другие возражали, что «не зря же японцы 10 лет создавали свою военную силу» не для того же, чтобы все сразу поставить на карту и в случае неудачи снова и навсегда заглушить! Словом, из общего признания одного и того же факта выводы получались диаметрально противоположные.